

У. Ю. Верина

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
verina14@rambler.ru*

ПОЭЗИЯ МАКСИМА ТАНКА В ПЕРЕВОДАХ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО

Вениамин Блаженный перевел на русский язык 18 стихотворений Максима Танка — белорусского классика XX века. Это стихотворения последнего периода, когда М. Танк переосмысливал свою долгую жизнь. В. Блаженный-переводчик выбрал стихи, близкие себе тематически, максимально приблизил их к русской поэтической культуре, устранив национально специфические компоненты.

Ключевые слова: *Вениамин Блаженный; Максим Танк; белорусско-русский поэтический перевод; русскоязычная поэзия Беларуси.*

О Вениамине Блаженном как переводчике известно, пожалуй, менее всего. И по творческой манере автора, да и по составу архива можно судить о том, что белорусская литература и культура представляла для Вениамина Михайловича наименьший интерес (в материалах Виктора Жибуля, опубликованных в настоящем сборнике, упоминается, что среди многочисленных копий, переписанных или отпечатанных В. Блаженным стихов, есть Янка Купала — это единственное имя). Поэт жил в Беларуси, большую часть жизни в Минске, покупал много поэтических книг, переписывался с белорусскими литераторами, однако на данный момент кажется, что присутствие белорусской поэзии в его круге чтения ничтожно мало.

Известно, как В. Блаженный характеризовал Минск — как «тюрягу», а также и горожан — как обывателей, глухих и равнодушных. «Излишне сообщать, что в моей родной тюряге, именуемой городом Минском, никакой реакции все, что написано обо мне, не вызвало, если бы даже я был человеком с планеты Марс, внимание общественности занято было бы ценами на центральном рынке» (письмо к Дмитрию Тонконогову от 18 марта 1999 года [3]).

Тем не менее белорусские поэты присутствовали в его стихах, хотя бы как объекты обличительных эпиграмм.

В 1999 г. вышла книга избранных переводов Максима Танка на русский язык, составленная В. П. Рагойшей, и в ней есть переводы В. Блаженного. Он перевел стихи из посмертно изданной книги М. Танка «Еггата» (1996) и «Последних стихов» 1995 г., не вошедших в книги. Это, по всей видимости, первая и единственная публикация поэтических переводов В. Блаженного.

Он был членом Союза писателей с 1991 г., и обращение к переводам, по всей вероятности, связано именно с этим долгожданным для В. Блаженного событием. Возможно, он получил предложение попробовать себя в этой роли,

а Максима Танка перевел, как вспоминает Любовь Турбина, в знак признательности за включение в Союз писателей¹. Как переводчик, он вернулся к варианту псевдонима «Блаженных», хотя как Блаженный уже был автором изданного в 1995 году «Сораспятыя», журнальных публикаций, подписанных именно так (в отличие от книг 1990 г. — минская «Слух сердца» была подписана настоящей фамилией поэта, московская — псевдонимом Блаженных).

Максим Танк, один из наиболее значительных белорусских поэтов XX в., в 1990-х гг. переосмысливал свой большой путь. Название его последней книги «Еггата» печально: это замеченные опечатки, ошибки в книге. В ней немало стихов, в которых он обратился к запрещенным ранее темам. В предыдущей книге «Мой ковчег» те идеалы, в которые Максим Танк, вероятно, искренне верил на протяжении жизни, он назвал утопией, сказкой («Аб неўміручай казцы»):

Якімі пераканаўчымі былі
Довады прарокаў,
Астролагаў,
Шаманаў
Аб існаванні
Казачнай Краіны Сонца! [7, с. 131].

Хотя и не разочаровался в них, как не питал иллюзий и в отношении новой действительности 1990-х гг.

В последних стихах и книгах Максим Танк заполнял лакуны в своей поэзии. Однословные названия из книги «Мой каўчэг» «Экалогія», «Рэабілітацыя», «Курапаты» с эпиграфом «Мёртвыя раскрываюць вочы жывым. Прымаўка»², черныбыльская тема («Цяпер асцерагайцеся», «З новага Апакаліпсіса»), «Тут Беларусь была», деятели Западной Беларуси, репрессированные или запрещенные писатели, о которых М. Танк предпочитал не вспоминать и не упоминать в прежние годы («З апошняга пісьма М. Забэйдзь», «Даведнік»). Так, нигде ни разу им не упомянуто имя невожатца Чеслава Милоша, с которым он входил в одну литературную группу «Жагары» в Вильне с 1931 г., поэтов-катастрофистов, левых, марксистов, у которых ожидание революции, по воспоминаниям Ч. Милоша, сочеталось с ожиданием «апокалиптической катастрофы». Галина Тычко, изучившая этот спорный момент отношения М. Танка к своему западнобелорусскому прошлому, отметила, что «Максим Танк нигде не признается в знакомстве с Ч. Милошем» [8, с. 112]. Имя Милоша не встре-

¹ Другими свидетельствами мы пока не располагаем. М. Танк возглавлял Союз писателей БССР с 1966 до 1990 г., с 1990 г. — председателем был В. Зуёнок (название организации изменилось на Союз белорусских писателей).

² Куропаты — место массовых расстрелов конца 1930-х — начала 1940-х гг. Лесное урочище на границе Минска. Первые сведения о том, что в Куропатах казнили приговоренных НКВД, были опубликованы в 1988 г.

чалось у Танка ни до 1980 г., ни после (после того как Чеслав Милош получил Нобелевскую премию, запрет на упоминание его имени стал абсурдным).

Представление о Советской Белоруссии как о земле обетованной было искренним у молодого Максима Танка, поскольку он не хотел верить даже фактам. Он был знаком с книгой Франтишка Алехновича «В когтях ГПУ» — первым произведением лагерной литературы. Ф. Алехнович, мечтавший о создании белорусского национального театра, поверивший в перспективы советской белорусизации, в 1926 году переезжает из Вильни в Минск, а в 1927 году осужден как польский шпион. Он получил 10 лет лагерей, отбывал срок на Соловках, а в 1933 году его обменяли на Бронислава Тарашкевича, которого в ответ освободили из польской тюрьмы. После неожиданного освобождения Ф. Алехнович вернулся в Вильню и опубликовал свою документально-художественную повесть. В дневниках М. Танка «Листки календаря» есть запись от 2 января 1936 года: «Сваткаўская паліцыя распаўсюджвала ўспаміны Ф. Аляхновіча аб Салаўках. Хлопцы смяюцца, што аўтар змясціў у гэтай кнізе дзве фатаграфіі — адна салавецкая, другая віленская — і што на першай ён куды лепш выглядае. Кнігу хутка, нават не дачытаўшы, скурыві нашы заядлыя курцы» [8, с. 112]. Кажется, что М. Танк просто отказывался верить в то, что описано в книге, а возможно, использование этой книги в качестве идеологического антисоветского оружия только укрепляло молодого социалиста в его убеждениях. И лишь в стихах 1990-х гг. происходит признание ошибок. В упомянутом стихотворении «Даведнік» герой листает справочник писателей и видит, что каждый был репрессирован, убит, расстрелян.

Книга “Errata”, собственно, открывается программным стихом:

Гартаючы
 Жыцця свайго старонкі,
 Шмат бачу
 Дат,
     падзей,
         імён
 То выкрасленых
 Некалі цэнзурай,
 То спаленых
 Агнём выратавальным...
 Таму хацелася б
 Да эпілога —
 Калі паспею —
 Дапісаць зрату
 І вены перарваная злучыць. 1993

Всего В. Блаженный перевел 18 стихотворений позднего М. Танка. Такое впечатление, что он сам выбирал интересные ему тексты, а возможно, просто типологическая близость покаянного М. Танка, взглянувшего на время

в трагедийном ключе, оказалась близка В. Блаженному, который иначе на нее никогда и не смотрел.

При этом индивидуально-авторский взгляд Вениамина Блаженного проявляется очень часто. Несколько примеров.

З даўніх заповедзяў

З даўніх заповедзяў сёння
Паўтараю я нязменна:
Рагуй, Божа, ад вар'яцтва
Нематы і засляпёння,
Ад пярэваратняў, злыдняў,
Ханжаскіх богаслужэнняў,
Пашасці,
вайны,
бяхлеб'я,
Нашых душ апушташэння
[5, с. 281].

Давние заповеди

Повторю я суверно
Слов забытых заклинанья:
Да минует меня скверна,
Дух слепого отрицанья.

Да минует наши души
И да сгинет в бездне ада
Дух вражды и равнодушья,
Дух духовного распада...
[6, с. 342].

Перечень Максима Танка куда длиннее — собственно, это небольшое стихотворение и строится на их перечислении. В. Блаженный сокращает этот список, делая акцент на заклинательных действиях («да минует», «да сгинет») и используя достаточно частотное в собственных стихах сочетание «бездна ада». Близким и точным, однако, остается важное в оригинале «безумие немоты и ослепления» (букв.), в переводе «Дух слепого отрицанья».

Парадоксальную перемену пафоса можно отметить в переводе стихотворения «У прынесенай гронцы...».

У прынесенай гронцы
Дагараючых кветак
Яшчэ іскрыцца сонца
Прамінугага лета.

Дыхае рута-мята,
Сенакосная стома,
Чуюцца перакаты
Святаянскага грому.

Як я ўдзячны, сяброўка,
Што ты гронкаю гэтай
Падарыла мне зноўку
Беззваротнае лета.

Па якім над палямі
І дажджы праімгліці,
І вятры з журавамі
Рэжвіем прагрубілі
[5, с. 274].

Я вдыхаю охапку
Отгоревшего лета.
Благодарен подарку
Я за празднество это.

Праздник руты и мяты,
Праздник летней истомы,
Праздник гулких раскатов
Августовского грома.

Говорю я подруге:
Снова лето вернется,
Снова теплые руки
Будут в запахе солнца.

И дожди над полями
Незабвенного края
Пролетят журавлями,
Серебристо сверкая...
[6, с. 336].

Парадоксальность состоит, на мой взгляд, в том, что трагедийный В. Блаженный как переводчик оказался способен на оптимизм. У М. Танка герой и цветы прошедшего лета (беззвартнага — невозвратного), по этому лету уже исполнен реквием. А у В. Блаженного — это праздник, обещание, что лето вернется, то есть он вводит прямо противоположный мотив. И будущее время в конце: «будут», «пролетят», — создает совсем иную тональность этого текста.

Далеко не случайно в числе переведенных В. Блаженным стихотворений оказалось «На расстайным парозе» («На пороге расставания»). Его текст — это реплика Марка Шагала:

— Заўжды праз зямлякоў, —
 З усмешкай горкай
 Вымавіў Шагал, —
 Я Віцебску свайму
 Пасланні пасылаў.

Вениамин Блаженный — один из тех земляков Шагала, которые и передавали эти «контрабандные» сообщения (о сходных моментах биографии и поэзии Блаженного и Шагала написала Т. В. Алешка [1]). У В. Блаженного есть несколько стихотворений о Витебске и Шагале, в одном из них художник делает поэта персонажем своего полотна:

... И Шагал опьянен от удачи,
 Он клянется, что внешний мой вид
 На какой-то свой холст присобачит,
 Только лик мой слегка исказит.
 И прибавит и блажи и сажи,
 И каких-то загадочных чар, —
 И я буду похож на себя же,
 И на всех дорогих витебчан [4, с. 289–290].

В переводе В. Блаженный усиливает момент адресации. В стихотворении М. Танка Шагал, сетуя на то, что ни разу не получил ответа на все свои послания, завершает так:

Дай Бог,
 Калі вам гэта
 Удасца здзейсніць.

Фраза Максима Танка в переводе Блаженного расширяет значение адресата:

Дай Бог,
 Чтобы все это
 Сумели сделать вы...

И меняет смысл. Если М. Танк имел в виду, что хорошо, если найдется человек, который сможет наконец передать весть Шагалу на тот свет, то В. Блаженный говорит о том, что нужно сделать «все это», т. е. передать всё, что недополучено Шагалом с земли.

Еще один персонаж стихотворения М. Танка очевидно близок В. Блаженному. Это инвалид из стихотворения «Утро». В этом стихотворении есть и другие, близкие В. Блаженному мотивы: дождь сравнивается с котом, который охотится за воробьями, а сам инвалид — с бродягой, персонажем Кнута Гамсуна:

...Сусед-інвалід
 Стаіць ля скрыпучых варот,
 Часамі
 Зіркаючы на вакно.
 Што так цікавіць яго?
 Ці то, як пячэ
 Гаспадыня дранікі,

Ці то, на якім яна месцы,
 Каб потым,
 Як гамсунаўскай валацуга,
 Хваліцца,
 Што гэта — яго работа...
 [5, с. 341].

...Сосед-инвалид
 Стоит возле скрипучих ворот,
 Часами
 Следя за окном.
 Что же его интересует?..
 Не то ли,
 Как печет хозяйка блины,

Или его интересует,
На каком она месяце,
 Чтобы потом,
 Как гамсунувский бродяга,
 Хвалиться,
 Что это — его работа...
 [6, с. 374].

Можно заметить, как одна буква в слове, меняет смысл. «На каком она месте» или «На каком она месяце»? Смысл, который получается в переводе В. Блаженного, довольно-таки фразеологичный. Объяснить эту замену трудно, если не обратиться к рукописи М. Танка, чтобы сверить опубликованный вариант с оригинальным рукописным. Книга «Egrata» Максима Танка была подготовлена в последний год жизни поэта, а издана уже посмертно, т. е. ошибки или вмешательства редакторов вполне возможны. В собрании сочинений поэта 2008 г., составленном по изданию 1996 г., напечатано именно так.

Однако более интересна другая замена: драников на блины. Это свободный стих, и ничто не мешало переводчику использовать слово «драники». Здесь мы подходим к наиболее важному, на наш взгляд, что характеризует отношение Вениамина Блаженного к белорусскому миру со всей очевидностью: полагая себя русским поэтом, наследником русской поэзии, он исключил себя из белорусского контекста, в его стихах белорусский компонент практически невидим, а в переводах он его осознанно избегает. История, культура, язык — нет, пожалуй, ни одного русскоязычного поэта Беларуси, в творчестве которого не присутствовал бы какой-нибудь их след. У В. Блаженного их как будто вовсе нет (стихи о Витебске, слово «хата», едва ли не единично встречающееся

у него, очень условно можно считать национально принадлежными), и более того — именно переводы показали, что он русифицировал белорусского поэта, перелагая реалии, не находя другой возможности сделать белорусский оригинал фактом русского поэтического языка.

Это известная и достаточно влиятельная стратегия перевода. Белорусские переводчики, в свою очередь, достаточно часто прибегали к доместикации, что приводило иногда к комическим вариантам «белорусизации». Как тенденцию это отмечала Ганна Янкута в рецензии на антологию белорусского поэтического перевода «Галасы 3-за небакраю»³. Например, Юрка Гаврук в переводе Ш. Бодлера использовал такую строку: “Быццам з вяялік лёгкім рытмічным рухам / Веяў зерне ў гумне селянін”. Этот пример, приведенный Г. Янкутой, правда, не вошел в антологию, а вошли переводы немецких романтиков, выполненные Владимиром Попковичем, которого рецензент упрекает в том, что в его переводах не осталось «ничего от немецкого романтизма», и стихи Л. Уланда или Г. Э. Лессинга в переводах В. Попковича — это «стихи скорее поэта-белоруса, чем немца», поскольку «у вершы Людвіга Уланда ў яго плывуць “русалкі талакою”, а герайна верша Готхальда Лесінга гаворыць: “Панок, ты ж прагнуў цалавацца, / А сам пачаў так завіхацца...”» [9]. Можно (и нужно) дискутировать, каким именно должно быть звучание того или иного текста в переводе, не отрицая при этом всего многообразия возможных стратегий «видимости» и «невидимости» переводчика (Л. Венути), а также, конечно, и социокультурных обстоятельств, исторически обусловленных. Белорусские переводы классики, скажем, отягощены (обогащены?) сильным влиянием более ранних русских переводов, цитируемых и узнаваемых, и когда Гамлет спрашивает у королевы-матери по-белорусски — в переводе того же Юрки Гаврука — «Як маецяся?», это создает диссонанс, только если считать высокое звучание Шекспира обязательным, ориентируясь как на образец на перевод М. Лозинского. Тем не менее важно, что подобная стратегия была отмечена Г. Янкутой как тенденция белорусской школы перевода.

Есть и своя традиция переводить на русский язык белорусские стихи, и как раз сохранение колорита с помощью лексики — один из наиболее распространенных путей. «Хлопцы», «девчата» и «дивчины», «хаты», «торбы» — эти и другие слова уже очень привычны в русских переводах, настолько, что часто переводчики даже не задумываются о том, что в белорусском языке эти слова имеют другой оттенок и не воспринимаются как стилистически окрашенные. Попадая в русский текст, они именно что создают колорит (иногда ненужный). В целом, близость языков предлагает переводчикам немало трудностей.

³ В этой масштабной антологии представлены работы 198 белорусских переводчиков XX в., 658 поэтов, переведенных с 57 языков (Галасы 3-за небакраю: анталогія паэзіі свету ў беларускіх перакладах XX ст. / склад. М. Скобла; уступны артыкул Е. Лявонай, навук. рэд. Л. Баршчэўска. Мінск: Лімарыус, 2008. 896 с.).

Вениамин Блаженный не использовал в своих переводах заимствованной лексики, русифицируя даже то, что вполне, казалось бы, можно было передать.

Из переведенных В. Блаженным самым «белорусским» текстом М. Танка является стихотворение «Раскладанне лыжак» («Биография ложек»). Замена в заглавии вполне адекватна, потому что в стихотворении каждая ложка, принадлежащая члену семьи, имеет свою историю, однако другие замены произведены так, что перевод нивелировал все оттенки не нейтральной речи, в том числе специфические крестьянские реалии сделал более литературными:

...Чацвёртая — матчына,
Прывезеная з задубенскім
Пасажным
Куфэркам...⁴

Четвертая — матушкина,
Привезенная когда-то
Добрым купцом...

...Побач — іншыя лыжкі,
Адлігтыя ў кузні суседа
З ваеннага лому
І так сцертыя
Амаль да дзяржання
Скробаннем па днішчах
Гаршкоў і глякоў,
Што зараз
Не кожны патрафіць
Насёрбацца імі бацвіння
[5, с. 339–340].

...Рядом — другие ложки,
Отлитые в кузнице соседа
Из военного лома,
Почти до черенков
Истертые
Хождением по горшкам и кастрюлям,
Что не каждый с ними
Отважится присесть
За тарелку с густым борщом
[6, с. 370].

Можно видеть, как достаточно колоритные детали, и лексика, и фоника текста выравниваются переводчиком и приподнимаются до общелитературной стилистики и метафорики. «Хождение по кастрюлям» — и «скробанне па днішчах глянкоў» («гляк») — это глиняный сосуд, скорее, кувшин, но никак не кастрюля), «не кожны патрафіць насёрбацца» и «не каждый отважится присесть за тарелку». Ботвинья считается блюдом русской кухни в такой же степени, как и белорусской, тогда как борщ, конечно, белорусской кухне не принадлежит, как несвойственны белорусскому языку калькированные эквиваленты русских слов «борщ» и «кастрюля». Они есть в словарях (предельно русифицированный русско-белорусский словарь, создававшийся с 1943, впервые изданный в 1953 г. под редакцией К. Крапивы, 10-е издание которого было подготовлено сотрудниками НАН Беларуси в 2012 г., предлагает слова «борщч» и «каструля»), но более органичными будут варианты «рондаль» и «буракі»⁵.

⁴ Буквально: Четвёртая — матери, / Привезенная с задубенским / Сундучком приданого...

⁵ Слово «рондаль», разумеется, также имеет французское происхождение (от «ron-delle»), как и русское «кастрюля» от «casserole». Говоря о несвойственности языку, мы имели в виду прежде всего фонетическую неловкость, возникающую при калькировании русского слова, в котором есть мягкое «р», в белорусском языке невозможное.

Почему В. Блаженный не использовал возможное в русском языке слово «ботвинья»? Можно предположить, что выбор определила только фонетика, но как бы то ни было в результате слово «борщ» еще более отдалило его перевод от белорусского оригинала⁶.

И в качестве последнего примера, когда в стихотворении М. Танка была близкая В. Блаженному тематика, отметим стихотворение 1993 года, в котором М. Танк пишет о ненужности премий и званий.

Усе прэміі, званні
Хіба толькі патрэбны
Для прамоў юбілейных,
Памінальных малебнаў.

Вось каб меў іх, калі быў
Засцяпковым падпаскам,
Мо хутчэй бы дакльпаў
Да парогаў Парнаскіх.

І ў хлапечыя леты
Не лічыла б абузай
Маіх першых прызнанняў
Ветравейная муза.

А то сёння прынесла
Вянок лаўраў па часе.
Папрасіў перадаць яго
У стойла Пегасам
[5, с. 276].

Все награды и звания
Нам нужны, пустозвонам,
Для речей юбилейных,
Для речей похоронных.

Вот бы мне эти звания,
Когда был я подпаском, —
Я скорее добрел бы
До порогов парнасских.

И в далекие годы
Не считала б обузой
Моих первых признаний
Своевольная Муза.

А сегодня — зачем мне
Этих лавров остатки?..
Отнесу я их в стойло
Белогривой лошадке
[6, с. 337–338].

Это позднее и далеко не самое известное из стихов М. Танка о поэте и поэзии. Этой теме у него посвящено необъятное число стихов, отдельную обширную группу которых составляют металитературные верлибры (М. Танк на протяжении всей творческой жизни активно защищал свободный стих). В их числе немало таких, в которых поэт как бы отягощен своими премиями, званиями, признанием (а всего этого у М. Танка действительно было в избытке), сожалеет о них как об утраченной искренности, живой непосредственности самой поэзии. Например: «Маска паэта», «Сярэдні верш пра каханне» или такое стихотворение 1965 года:

⁶ В русско-белорусских переводах такую стратегию использовал Рыгор Барадун — не пользовался лексической близостью, а отдалял текст, чтобы сделать его более белорусским. Это прослеживается, например, в его переводах О. Мандельштама (см.: Верина У. Приоритеты словацких и белорусских переводчиков поэзии О. Мандельштама: социокультурный аспект // Preklad ako forma recepcie a distribucie zahraničnej literatury. Zborník vedeckých článkov / Ed. Marta Kováčová, Martin Lizoň. Banská Bystrica: Belianum: Vydavateľstvo Univerzity Matej Bela v Banskej Bystrici, 2021. S. 6–18.).

Дрэнна стаяць пад дажджом
Пачынаючаму паэту,
Калі кожная кропля сячэ і сячэ.
Вядомы паэт мае шалік альбо парасон,
Выдатны — мае за што пайсці ў рэстаран,
Лаўрэат — у такі час, напэўна, спіць дома,
А класік — нічога не адчувае,
Бо ён — бронзавы.

В позднем тексте 1993 г. свой лавровый венок поэт скармливает Пегасам (почему-то во множественном числе). В. Блаженный очень точно переводит это стихотворение, изменяя только последние строки, где вместо Пегасов появляется просто лошадка — не мифологический персонаж, а скорее, пустячная «белогривая лошадка». Стих В. Блаженного легче и беспечнее оригинала, тогда как в его собственных эпиграммах, посвященных успешным, по мнению Вениамина Михайловича, или бездарным поэтам, был отточен саркастический стих. Такой титулованный поэт, как Максим Танк, не «удостоился» его эпиграммы, хотя, казалось бы, кому, как не ему, возглавлявшему Союз белорусских писателей с 1966 по 1990 год, авторитетному члену редколлегий журналов и издательств, могли быть адресованы упреки поэта, мучившегося своей непризнанностью. Поистине удивительно, что в числе многих адресатов писем В. Блаженного нет Максима Танка, по крайней мере, до сих пор не обнаружено никаких упоминаний о нем. И в своем переводе, попав в важную и болезненную для себя тему писательской славы, В. Блаженный ничем не выказал своего особенного отношения к ней.

Многое из сказанного в статье ориентировано в большей степени на то, чтобы обозначить белорусскую тему в исследованиях наследия В. Блаженного. В настоящем сборнике, благодаря В. И. Орлову, публикуется ряд документов, подтверждающих участие в судьбе поэта Нила Гилевича (см., например, *Приложение 2*, письмо 12, написанное Н. Гилевичем А. Тарковскому). Возможно, о нем же А. Тарковский упоминает в письме 1983 г., адресованном В. Блаженному, а может быть, безымянный «председатель Минского СП» и есть Максим Танк: упоминание кратко и неточно⁷. Как бы то ни было постепенно круг имен, с которыми связывают имя В. Блаженного (А. Тарковский, И. Лиснянская, С. Липкин, Г. Померанц, З. Миркина и др.), расширяется. Н. Кислик,

⁷ «Председатель Минского СП говорил мне, что тысячу Ваших строк включают в какой-то коллективный сборник», 1 февраля 1983 г., из письма А. Тарковского В. Блаженному [2, с. 23]. Минского СП еще не существовало. Скорее всего, здесь упоминается, конечно, Нил Гилевич, который писал А. Тарковскому о готовящемся сборнике в апреле 1982 г. (см. письмо 12, *Приложение 2*). И все же для справки: Нил Гилевич в 1980–1989 гг. первый секретарь правления Союза писателей Белорусской ССР, Максим Танк — председатель правления.

Б. Спринчан, А. Дракохруст, Л. Дранько-Майсюк, В. Зуёнок, Н. Гилевич, Л. Голубович — эти и другие белорусские поэты есть в письмах, документах, публикациях. Максима Танка мы добавляем в этот круг.

Библиографические ссылки

1. Алешка Т. В. «Я любой, но не ваш»: Марк Шагал и Вениамин Блаженный // XXIV Международные шагаловские чтения. Витебск, 2014. Шагаловский сборник. Вып. 4: материалы XXIV и XXV Шагаловских чтений в Витебске (2014–2015). Мн., 2016. С. 170–185.
2. Блаженный В. Переписка / сост. Д. Строчева, Т. Светашёвой. Минск: Новые мехи, 2021. 123 с.
3. Блаженный В. Письма / коммент. и публикация Дмитрия Тонконогова // Арion. 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2012/1/b24.html>.
4. Блаженный В. Сораспяты. М.: Время, 2009. 416 с.
5. Танк М. Збор твораў: у 13 т. Т. 6: Вершы (1983—1995) / рэд. тома В. П. Жураўлёў. Мінск: Бел. навука, 2008. 453 с.
6. Танк М. Избранное / пер. с бел. яз.; сост. и вступ.ст. В. Рагойши. Минск: Маст.літ., 1999. 397 с.
7. Танк М. Мой каўчэг: Вершы. 1989–1992. Мінск: Маст. літ., 1994. 207 с.
8. Тычко Г. К. Беларуская літаратура XIX–XX стагоддзяў: час і асобы: вучэб. дапам. Мінск: Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2010. 267 с.
9. Янкута Г. Галасы з-за небаkraю: step by step (рэцэнзія прайдзісвета) // Прайдзісвет: часопіс перакладной літаратуры. 2009, 3 снежня. URL: <http://prajdzisvet.org/critique/7-halasy-z-za-niebakraju-step-by-step.html>.